

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 10 января 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 10 de enero de 1987 No. 1902

МЫСЛИ ВСЛУХ

ДВА РЕЖИМА

Парламентарный режим не только по своему происхождению не является специфическим *демократическим* учреждением, но и в наши дни этот режим не является исключительным отличительным признаком никакой из существующих государственных форм. Действительно, существуют парламентские монархии (например, та же Англия) и парламентские республики (Италия, ФРГ).

Кроме того и в не-парламентарных режимах существуют парламенты, так что само по себе наличие парламента еще ничего не говорит. Ведь своего рода парламенты существовали и в тоталитарных Германии и Италии, причем гитлеровский режим фактически начал свое существование с принятого парламентом "уполномочивающего закона" (Ermächtigungsgesetz). Продолжают существовать "парламенты" и в социалистических режимах.

Помимо наличия самого парламента и независимо от формы верховной власти, парламентский режим отличается следующими признаками:

1. Разделение между функциями главы государства и главы правительства, причем глава государства, как было видно, может быть монархом или президентом.

2. Зависимость главы правительства и правительственного кабинета от парламента, не только в момент их назначения, но и в течение всего срока исполнения ими их обязанностей. В случае неразрешимых конфликтов между правительством и парламентом, необходимо прибегать к выборам нового состава парламента.

3. Эта зависимость правительства от парламента практически обозначает "слияние между исполнительной и законодательной властями", так как первая как бы вытекает из второй.

Президентские режимы, в свою очередь, отличаются следующими признаками.

1. Четкое различие между исполнительной, законодательной и судебной властями. Эти режимы являются новообразованиями, в результате эманципационных войн бывших колоний с их метрополиями, и их конституции были с самого начала написаны в согласии с теорией Монтескье, требующей этого разделения. Классическим примером такого режима являются США, конституция которых явилась образцом для большинства других американских государств (например, Аргентины).

2. Слияние между верховной и исполнительной властями. Глава государства и глава правительства — одно и то же лицо.

3. Ввиду их происхождения, эти режимы всегда имеют форму республики.

И. А.

БОРИС ГЛЕБОВ

В ТИСКАХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Все колоссальные успехи современной науки основываются главным образом на принципе зависимости теоретических анализов от практических экспериментов. Не так обстоит дело в области политики и общественных дисциплин. Однако, упорное повторение одних и тех же результатов при проведении в жизнь одних и тех же политических и общественных опытов, раньше или позже заставляет и в области политики так или иначе делать соответствующие выводы. Сегодня уже не может быть никакого сомнения, что эксперимент социализма всегда приводит к одним и тем же результатам, не зависимо от места и от времени его реализации.

Это и объясняет удивительный параллелизм в развитии социализма в разных странах: всюду те же проблемы, те же противоречия, и те же затруднения в нахождении выхода из этих противоречий. Удивительно совпавшие во времени студенческие беспорядки в Китае и в Алма-Ате лишь являются дополнительным подтверждением этого.

При этом нельзя не отметить, что крупные волнения в Китае происходят несмотря на действительно глубокие реформы проведенные в области сельского хозяйства в этой социалистической стране, и несмотря на недвусмысленную ориентацию и на дальнейшие реформы в других областях. Не подтверждает ли это, что социалистическую систему, как таковую, никак нельзя спасти путем частичных реформ? Например, в социалистической Югославии было проведено невероятное количество реформ, как в экономической, так и в политической области, и все же, несмотря на все эти реформы, эта страна никак не может преодолеть состояния перманентного кризиса. Из всего этого даже можно вывести заключение, что социализм и есть состояние перманентного кризиса.

Сущность всех этих волнений, независимо от тех или иных частных причин и поводов, вытекает из сущности самого режима, и была довольно ясно выражена на одном плакате, выставленном в пекинском университете: хотя коммунистическое правительство и не называет само себя "хозяином", оно все же "тождественно самым тираническим феодальным деспотизмам из тех, которые мы когда-либо имели".

Одним из поводов студенческих волнений в Китае были, повидимому, заявления вице-преьера Ван-ли, в том смысле, что "демократия не является правом, она может быть лишь дана кому-нибудь из милости".

В свое время, отец китайской революции Сун-Я-цен провозгласил три принципа: установление национальной независимости Китая, ступенчатое введение демократии и мирное внедрение социализма. Как вид-

но, демократизация уже с тех пор была одним из основных начал китайской революции, наследниками которой себя считали, как Чан-Кай-ши, так и Мао-Цзэдун.

Когда теперь китайские студенты требуют "демократизации", они лишь продолжают придерживаться одного из трех первоначальных принципов Сун-Я-цена. Однако, третий из этих трех принципов требовал также и "внедрения социализма", который, будучи внедрен, провозгласил другие "четыре основных принципа": Мышление (то есть идеология) марксизма-ленинизма-маоизма, ведущая роль коммунистической партии, построение социализма и диктатура пролетариата. Как видно, внедрение (или построение) социализма является связующим звеном между этими двумя группами "принципов", но именно построение социализма казалось невозможным с помощью "демократизации", отчего и был выдвинут тезис "диктатуры", эвфемически называемой "диктатурой пролетариата", с одновременным пояснением, что на деле это будет диктатура "ведущей коммунистической партии". Неограниченная же сроком диктатура (выдумавшие ее римляне ограничивали ее шестимесячным сроком) превращается в тиранию, о чем и заявляли китайские студенты.

Таким образом, если в трех принципах Сун-Я-цена коренилось противоречие между "введением демократии" и "внедрением социализма" (какое противоречие китайский коммунизм пытался преодолеть путем замещения демократии партийной диктатурой), то в новых четырех принципах коренится противоречие между претензией "построения социализма" и возможностью это сделать. Экспериментально, на практике было доказано, что сделать это невозможно, даже с помощью "диктатуры" и "водительства партии". Значит, может быть снова попытаться прибегнуть к "демократизации"?

Еще Мао Цзэдун предостерегал против "излишней демократизации", которую он называл "ультрадемократизмом". Он предупреждал против "ошибочных требований об осуществлении... так называемой "системы демократического централизма снизу вверх", о том, чтобы "сначала обсуждать в низах, а потом принимать решения в верхах" и т. д., указывая при этом, что "ультрадемократизм уходит корнями в мелкобуржуазную расхлябанность". ("Об искоренении ошибочных взглядов в партии", декабрь 1929 года).

Сегодня китайской компартии приходится защищать одновременно обе группы противоречивых принципов. Официальное агентство печати распространило 30 декабря комментарий, который был также передан по китайской сети телевидения, с

предупреждением "об ошибочности и запутанности веры в то, что демократия может быть достигнута без руководства коммунистической партией и без социалистической системы". Причем, этот комментарий как бы подхватывает ссылку Мао Цзэдуна на "буржуазность" таких ошибочных взглядов: "Демократическая система капиталистических стран является по сути формой буржуазного правления". Другими словами, налицо попытка отвлечь внимание от внутренних противоречий в "принципах", путем подчеркивания противоречий между капиталистической и социалистической демократиями.

Суть же происходящего состоит в том, что одни противоречия невозможно снять указанием на другие противоречия. Основное противоречие социализма заключается в невозможности его претворения в действительность, в силу объективных законов, соответствующих природе общества и человека. Построение социализма невозможно ни с помощью демократизации, ни с помощью диктатуры.

Однако, помимо всего этого, никто до сих пор не обратил должного внимания, что первый принцип Сун-Я-цена сам по себе на практике исключает не только остальные принципы (которые, в свою очередь, как мы видели, находятся в противоречии между собой), но и противоположный им принцип капиталистической демократии: ни социализм, ни монополистический капитализм не обеспечивают "национальной независимости Китая". Больше того, действительная независимость таких крупных исторических стран, как Китай и как Россия, возможна лишь при условии, в первую очередь, культурной независимости. Подчинение же собственной народной культуры целям достижения то ли социализма, то ли демократизации, то ли капитализма, неизбежно ведет к потере культурной, а следовательно, в конечном итоге, и политической самобытности. Действительная независимость возможна лишь как самобытность. Все остальные возможные "принципы" должны иметь служебный и подчиненный характер. Кроме того, они должны быть объективно "возможны", то есть не находиться в противоречии ни между собой, ни по отношению к объективной реальности.

Преодоление всех этих противоречий возможно лишь через отказ от утопического построения социализма, без владения в идопоклонство перед монополистическим капитализмом. Ни одно, ни другое, ни механическая смесь обоих, уже никак нельзя считать положительной альтернативой для будущего.

БОРИС ГЛЕБОВ

"Усовершенствованиями, которые разрабатывала наука для повышения боевой способности артиллерии, наши офицеры не интересовались и о них никто не знал... Командир моей батареи совершенно не имел ни представления о правилах стрельбы... С командирами других батарей выходили прямо анекдоты, и нам, молодым офицерам, было положительно совестно перед солдатами за незнание ими артиллерийского дела... В таком состоянии наша полевая артиллерия оставалась до Русско-Японской войны... Полное незнание тактических приемов вело к тому, что наша артиллерия была бессильна бороться против японской, которая быстро приводила ее к молчанию".

Отзывы ген. Ипатьева — профессиональные отзывы о высшем командовании армией убийственные и они соответствуют действительности. В том же томе, стр. 285, он пишет о его "невежестве", о "полной несостоятельности", о "неспособности командовать армией", об "ошибках, за которые офицер был бы немедленно исключен из военной академии"...

Это пишет генерал и профессор, наблюдавший события, так сказать, с верху. "Ветераны" в свое время наблюдали их снизу. В. Ипатьев мирно получал свои ордена, солдатская масса платила своей кровью. В. Ипатьев констатирует "невежество" высшего командования, солдатская масса ощущала это невежество на своих костях. Выводы были приблизительно одинаковы: "все равно начальство и нас погубит и Россию погубит". Это не было революционным настроением. Даже и петроградский пролетариат в своем подавляющем большинстве никак не стоял за "дойлой самодержавие". Но вся страна была совершенно единодушна: "начальство это пора менять, — как сказал мне один из "бородачей", — и чего это Царь смотрит, давно в шею пора это начальство гнать".

Я не думаю, чтобы наиболее острые "комментарии" такого стиля делались бы в моем присутствии. Лично

— 62 —

— фамилии его он не называет. Ген. В. говорил французскому послу:

"Петроградский гарнизон ненадежен... Неделю тому назад было восстание на Выборгской стороне... Но я не вижу никакого намерения вывести этот гарнизон из Петрограда и заменить его надежными частями. По моему мнению, уже давно нужно было расчистить петроградский гарнизон... Знаете ли вы, что в нем по меньшей мере 170.000? Они не обучаются, у них плохое командование, они скучают и они разлагаются... Это — готовые кадры для анархии... Нужно было бы оставить в Петрограде тысяч сорок из лучшего элемента гвардии и тысяч двадцать казаков. При такой элите можно было бы справиться с любыми событиями. А если нет..."

"Его губы дрожали, продолжает М. Палеолог. — Я дружески просил его продолжать". — Он продолжал:

"Если Господь Бог не спасет нас от революции, то эту революцию сделает не народ, а армия".

Ген. В. был не совсем прав: конечно, не "народ" сделал революцию, но и "армия" была в ней не причем: петроградский гарнизон армией, конечно, не был. Несколько спорен вопрос, были ли армией те генералы, которые устраивали из столицы Империи пороховой погреб?

Приблизительно в то же время Государь Император сместил с должности ген. Безобразова за истинно безобразные потери в боях у Ковеля и Владимира-Вольнского (Ольденбург, стр. 240). Совсем недавно ген. Б. Хольмстон писал в "Суворовце" о том, как гвардию бессмысленно губили на Стоходе. Итак, для бессмысленных потерь — гвардия была, для охраны, Монархии и, следовательно, России — ее не было. Информация об этих боях и о смещении ген. Безобразова в прессе не появилась — все та же военная цензура. Но, само собой разумеется, что об этом знал "весь Петроград" и об этом знали и все казармы. Информаци-

— 60 —

ству эта масса всегда рассматривала, как нечто предсудительное. Но они все-таки наладились.

Это был маршевый батальон в составе что то около трех тысяч человек. Из них — очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные — белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей — последние людские резервы России, — резервы, которые командование мобилизовало совершенно бессмысленно. Особое Собрание по Обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии.

Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы были переполнены — нары в три этажа. Делать было совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военного обучения производить было нельзя. Людей кормили на убой — такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав был очень пестрым — очень значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался "чужной". Настроение этой массы никак не было революционным — но оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: "мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы — голыми руками". "И чего это начальство смотрело". Обстановка на фронте была хорошо известна из рассказов раненых. Эти рассказы вполне соответствовали описанию ген. Н. Головина:

"Подползая, как огромный зверь, германская армия придвигала свои передовые части к русским окопам... Затем зверь подтягивал свою тяжелую артиллерию... Она занимала позиции, находящиеся за пределами досягаемости для русской полевой артиллерии, и тяжелые орудия начинали осыпать русские окопы градом снарядов, пока ничего

— 55 —

культуры в России, в связи со всякого рода заочными и незаочными курсами, тягой к образованию, появилась масса людей, для которых пережитки крепостничества были морально неприемлемы.

Итак: от двухсот до трехсот тысяч последних резервов России, скученных хуже, чем в концлагере, и обреченных на безделье и... пропаганду.

Пропаганда велась с трибуны Государственной Думы. И велась не столько левыми, сколько правыми. Речи Керенского не производили никакого впечатления — на то он и социалист. Но когда бездарная военная цензура запрещала печатать речи В. В. Шульгина или В. М. Пуришкевича, и когда, вместо этих речей, в газетах появлялись белые полосы, то по совершенно понятным соображениям любопытство массы доходило до степени белого каления. В ответ на этот "спрос", русский рынок заполнялся всякого рода гектографированными и литографированными изданиями этих речей. И тут уж каждый "издатель" редактировал их по своему. Я и до сих пор очень ясно помню одну из совершенно истерических речей В. М. Пуришкевича — о ней очень коротко упоминается у Ольденбурга. Я ее слышал, я о ней писал (цензура выкинула), потом я ее перечитывал в стенограмме. Речь была откровенно глупа даже и в стенограмме. Это был призыв "пасть к ногам Государя Императора" и умолять его спасти Россию и Династию от влияния темных сил. Гектографированные издания внесли в эту речь и кое что новое: в этих изданиях речь заключала в себе требование заточения в монастырь Государыни Императрицы, как "немки, работающей на гибель России и армии".

Речи социалистов не производили на массу никаких впечатлений: "ну, это мы слышали сто раз". Но когда с революционными речами выступают монархисты, то впечатление получается убийственное: "ну, если уж и Пуришкевич так говорит, значит наше дело совсем дрянь".

Я буду просить моих читателей из числа бывших подполковников и даже генералов оставить в покое ве-

— 57 —

не оставалось ни от окопов, ни от их защитников..."

В 1916 году раненные рассказывали решительно то же самое, что в эмиграции писал ген. Н. Головин. И даже не преувеличивали. Роль беззащитной жертвы не улыбалась никому. Тем более, что в основном батальон состоял из "бородачей", отцов семейства, людей, у которых дома не оставалось уже никаких работников.

"Быт" этих бородачей был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им было запрещено посещение кино или театра, чайных или кафе, и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой то патруль, несмотря на то, что у меня было разрешение комендатуры на езду в трамвае. Зачем было нужно это запрещение — я до сих пор не знаю. Меня, в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров, заперли в какой то двор на одной из Рот Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно.

Фронтвики говорили: "И на фронте пешком, и по Питеру пешком — вот тебе и герой отечества!" Это было мелочью, но это было оскорбительной мелочью — одной из тех мелочей, которые потом дали повод к декларации "о правах солдата". Для этой "декларации" были свои основания: правовое положение русского солдата было хуже, чем какого иного солдата тех времен. Так что в числе тех "прав", которые "завоевала революция", для солдатской массы были право езды в трамвае, посещение театров, а также и право защиты физической личности от физических методов воздействия. Кроме того, революция "завоевала" право на торговлю семечками, на выборы и на отказ идти на фронт: масса была лишена разумных прав и получила неразумные. Все это было "социальными отношениями", унаследованными от крепостнического прошлого. Но уже и перед войной, в связи с огромным, я бы сказал "ураганным", подъемом

— 56 —

домашние суеверия и оценить положение с точки зрения самого простого, самого человеческого здравого смысла: от двухсот до трехсот тысяч "бородачей": позади у них — неубранные хлеба, впереди — беззащитный фронт против немецкой мясорубки, сейчас — теснота, тоска, обильное питание и слухи, слухи, слухи... Царица. Распутин. Штюрмер. Темные силы. Шпионаж. Предательство. Неспособность. В конце октября история дала "первый звонок": на Выборгской стороне, на автомобильном заводе Рено вспыхнули рабочие беспорядки (см. М. Палеолог, стр. 66) и гвардия стреляла в полицию. "Гвардию" обезоружили казачьи части. Сделали они это очень неохотно. 150 человек было расстреляно: на Шипке все снова стало спокойно.

... Цензура имеет технический смысл только тогда, когда она организована тотально, как у Гитлера или Сталина. В противном случае она оказывается по меньшей мере бессмысленной: белые полосы в газетах компенсировались гектографированными изданиями, на которые, по цензурным правилам, нельзя было отвечать публично. Потом цензуре пришла в голову истинно гениальная идея: запретить и белые полосы. Вместо них в газетах появились выцарапанные в стереотипе строчки. Ничего не было опубликовано о беспорядках на Выборгской стороне, но были и прокламации, и слухи и выцарапанные строчки:

"Вчера на Выборгской стороне..." и дальше шла выцарапанная строчка. Что случилось? Как случилось? Ответ давала нелегальная печать, или обывательские слухи. Опровергать этот ответ было нельзя, ибо, по мнению гениальной нашей военной цензуры, раз она выкинула информацию о событии, то об этом событии никто не знал, никто ни о чем не слышал. И, если военный цензор выкинул из газеты сообщение о "беспорядках", значит, ни Россия, ни немцы ничего ни о чем знать не будут. Но немцы обо всем этом знали совершенно точно, а Россия была переполнена слухами, раздувавшимися до полного безобразия.

Слухи во всем их разнообразии и великолепии, проникали, конечно, и в казармы Кексгольмского пол-

— 58 —

онные ходы были очень просты: германская разведка и германская пропаганда. Были, конечно, и иные ходы, но в казармах, повидимому, попадала главным образом германская пропаганда: "Вот, де, ваши генералы, продались немцам и шлюют вас на верный убой". По моим наблюдениям германская информация имела довольно неожиданный результат: престиж Государя Императора, который и до того в солдатской массе находился вне каких бы то ни было сомнений, поднялся на небывалую до этого высоту. Правда, с комментариями: "Вот, только Царь и заботится и о нас и о России..." Комментарии о генералах приводить не стоит.

"ВETERАНЫ"

Настроение армии — в особенности ее тыловых формирований — было до чрезвычайности осложнено одним фактором, о котором во всей литературе, посвященной революции, я не нашел ни одного слова. Дело заключалось в том, что последние предреволюционные призывы включили в армию "ветеранов" Русско-Японской войны. Вся солдатская масса не могла не проявить самого острого интереса к боевому опыту этих ветеранов. Опыт был очень пессимистическим. Да, армия дралась героически, да, армия пролила ни с чем несообразное количество крови, но война все таки была проиграна. Та декламация о доблести и прочем, которая так принята в наших военных кругах, совершенно естественно, не имела никакого хождения в солдатской массе. "Ветераны" Русско-Японской войны стояли в общем на той точке зрения, что "начальство" не годится никуда, — даже по сравнению с японцами, — а что уж там говорить о немцах. "Ветераны" были правы. И если ген. В. Ипатьеву в его политических соображениях не стоит верить ни одному слову, то его профессиональные наблюдения интереса не лишены. В своей книге (т. 1, стр. 45) он пишет о том, как он, еще молодым офицером, окончив Михайловское Артиллерийское Училище, был выпущен в стоявшую в Серпухове, то есть под Москвой, артиллерийскую бригаду.

— 61 —

ка. В этих казармах были, конечно, и революционные агитаторы. Лично я не мог отметить их присутствия — само собою разумеется, что при мне они никакой пропаганды не вели. Но влияние этой пропаганды совершенно ясно чувствовалось из тех вопросов, которые ставили солдаты: и о беспорядках на Выборгской стороне, и о "Распутинском влиянии", и о генеральской измене, и о том, что Царица "все таки немка, вот нам — Россию жалко, а ей, может быть, жалко Германию..."

Моим командиром был барон Тизенгаузен — я сейчас не помню его чина. Это был атлетически сложенный человек, очень выдержанный и очень толковый. Он сумел установить — в меру своих возможностей, — прекрасные отношения с солдатской массой, и, может быть, именно поэтому Кексгольмский полк никакой революционной активности не проявил. Но атмосфера была убийственной. Я пошел к барону Тизенгаузену и сказал: "Так что же это такое — пороховой погреб?" ... Совершенно верно: пороховой погреб. И к тому подвозит все новый и новый порох. Нас — шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет — сидим и ждем катастрофы".

В общем выяснилось, что бар. Тизенгаузен докладывал об этом по служебной линии: не получилось ничего. Пытался действовать по "светской" линии — тот же результат. Бар. Тизенгаузен посоветовал мне пустить в ход "Нововременскую" линию. Я попробовал. Доложил М. А. и Б. А. Сувориным о положении дел и о моем разговоре с бар. Тизенгаузенем. По существу все это братья Суворины знали и без меня, но я был живым свидетелем, непосредственным очевидцем, а мои репортерские способности в редакции ценились очень высоко. Словом, и М. А. и Б. А. Суворины пришли в действие: к кому то ездили, с кем то говорили — во всяком случае с Военным Министерством и генералом Хабаловым. Ничего не вышло. М. А. о результатах своих усилий не говорил почти ничего, а Б. А. выражался с крайней степенью нелитературности.

М. Палеолог в записи от 5 ноября 1916 г. (стр. 75) повествует о своем разговоре с каким-то генералом В.,

— 59 —

БИБЛИОГРАФИЯ

"Минувшее", 2 (Париж, 1986).

Наредкость противное впечатление оставляет сей роскошно изданный и огромный по размерам (410 стр.!) "исторический альманах" под редакцией некоего В. Аллоя. Цель достаточно прозрачна: вновь ввести в оборот дореволюционные социалистические партии, дабы заменить ими при случае большевиков, буде уж те у власти не удержатся. Но за каких же идиотов считают русский народ все эти Ж. Бонамур, Дж. Мальмстэд, Р. Пайпс, М. Раев, Д. Сегаль и Г. Сулерфин, составляющие editorial board данного органа? Думают они всерьез, что мы захотим ту же самую пластинку опять проиграть с начала — и вплоть до прежнего неизбежного конца?

Процитируем предисловие: "Опять социалисты!" — скажет иной читатель — "Да, опять... Почему для нашего современника, гуманиста и противника насилия, имена Е. С. Сазонова, И. П. Каляева, М. А. Спиридоновой, Б. В. Савинкова, Д. А. Черепанова окружены романтическим ореолом?"

Забавные что-то гуманисты, поклоняющиеся убийцам — бомбометателям! Впрочем, чего ж: этого добра сейчас в свободном мире, на Западе и на Востоке, полным-полно. Поспешим отметить: против коммунистов они не действуют никогда; только против противников коммунизма. А каковы взгляды обожествляемых издателями "Минувшего" эсеров (и, очевидно, самих этих издателей?), приведем образец, из интервью с Б. Бабиной, перед которой составители альманаха ну прямо тают от восторга:

"А как вы относитесь к расстрелу царской семьи? — Романовы, конечно, заслужили кары, революция имела право поступить с ними так. Но уж больно незстетично большевики это сделали. Во Франции это было гораздо приличнее".

Вот гадина!

О внутриэсеровских делах мадам Бабина рассуждает следующим образом: "А когда зародились симпатии к левым эсерам (то есть, подразумевается, у нее)? — Когда я узнала об альянсе правых с Колчаком и позже с Деникиным".

Ну чем такие люди лучше большевиков?! Любопытно, что Бабина и ее друзья (она воспроизводит свою беседу с крупным эсером Д. Донским) всячески открещиваются от Фанни Каплан: она де была не эсерка, а анархистка. Казалось бы, чего же тут стыдиться? Скорее бы гордиться, если такая женщина состояла в их партии.

Заметим еще, что вызывает гадливость упоминание о привилегиях, какими эсеры пользовались в концлагерях, как "политические", когда рядом "контр-революционеры" умирали от голоду и непосильной работы. Стыдно за них. Туда же, герои!

Длиннейшая статья Н. Петренко посвящена предсмертной болезни Ленина. Если она чем ценна, то разве что богатым фактическим материалом. Отметим мнение автора, что болезнь Ильича была отнюдь не венерического происхождения, а скорее наследственная.

Тут же опубликованы воспоминания выдающегося подсоветского поэта Н. Заболоцкого об аресте в 1938 году, о последующих издевательствах и зверском избивании, в результате коего пришлось отправить в госпиталь (потом он попал на 10 лет

в концлагерь, в Караганду). Гнусно, что к этому правдивому свидетельству (увы, одному из столь многих!) о преступлениях советской власти присобачены "вступительная статья и примечания" Е. Эткинда, который (рассказывая, между прочим, о том, что он до недавнего времени боготворил Сталина) использует трибуну для злобных нападок на дико ненавидимую им российскую монархию.

С этой целью он приплетает имена Княжнина, Радищева и декабристов, не брезгуя заведомо ложными данными: г-н Эткинд — профессиональный литературовед (хотя и не высокого класса) и сам-то разницу между реальностью и вымыслом, без сомнения сознает.

Княжнину, спокойно умершему своей смертью, он абсолютно бездоказательно приписывает какую-то болезнь, развившуюся от того, что его раз вызвали в Тайную Канцелярию; хотя его ни в чем не нашли виновным, и никак не преследовали. Чтобы сделать его республиканцем, Эткинд цитирует слова одного из персонажей его трагедии "Вадим", где изображена борьба Рюрика с прогивниками, в которой Рюрик побеждает, ибо его поддерживает народ, и где сам Рюрик представлен как идеал правителя.

Радищев выпустил, в обход всякой цензуры, книгу с призывами к мятежу, — и был за то сослан, в довольно мягких условиях. Декабристы планировали перерезать всю царскую семью, и готовы были вернуть Россию в ужасы гражданской войны. Их, в любой другой стране, в то время, да и позже, куда строже бы наказали. Пусть г-н Эткинд справится, как англичане обходились с заговорщиками в Ирландии, или с шотландскими якобитами (о сипаях говорить уж не будем...).

Какое сравнение меры царского правительства могут иметь с судьбою Заболоцкого, который был абсолютно далек от всякой политики (он говорил, что мол в политике, как и в жизни, ничего не понимает). А жизнь его после ссылки была изуродована навсегда; о чем писала Н. Роскина, в превосходной книжке "4 главы".

Нет, неаппетитная получилась у г-д неозсеров книжица; и вряд ли они много adeptов завербуют. Не зря вот и их священная корова, Бабина, с такою злостью отзывалась о нынешней молодежи, не умеющей обожать социализм! Извращать историю — дело бесчестное (хотя для советских-то выдвиненцев и куда как привычное!). А там, где прорывается правда, или где читатель может ее, хотя бы и ценой некоторого усилия, восстановить, — она неизменно оказывается не в их пользу.

Притом, прежние-то эсеры по меньшей мере верили в свои ошибочные и химерические идеалы. А тут налицо попытка использовать таковые для своих некрасивых целей. И фальшивость чувствуется на каждом шагу...

Выделим, как наиболее симпатичные во всем томе, воспоминания Л. Богораз о тюрьме и перевозке в лагерь, — она-то, хотя и политическая, такими благами как эсеры не пользовалась. У нее подкупает человеческое отношение к товарищам по заключению, и, в частности, к малолетним девочкам, с которыми она часть времени провела в одной камере.

Отметим курьезную ошибку (неожиданную в настолько шикарном издании! а вот, бывает...): на стр. 205 вместо "Cui prodest?" напечатано нелепое "Qui prodest?"

Владимир Рудинский

ТРИБУНА РЕДАКЦИИ

ИЗ ОТВЕТА СОТРУДНИКУ

"... Мы, как и Татьяна Владимировна, тоже гордимся принципиальным соблюдением "свободы слова" на страницах "Нашей Страны". (Вопрос о "праве на ответ" более сложный). Однако, это принципиальное соблюдение "свободы слова" на практике ограничено известными объективными рамками, которые можно резюмировать следующим образом:

1. Даже при действительно искреннем желании придерживаться всегда "свободы слова", все же мы никак не можем переступить известных рубежей, как этического, так и политического характера. Например, мы не можем публиковать похвалы Ленину или Гитлеру, оправдываясь "свободой слова". Также мы принципиально не можем защищать никакой терроризм. Интересно, что Нюрнбергский Трибунал в своем приговоре Юлиусу Штрайхеру ясно устанавливает относительный характер "свободы печати", указывая, что, например, призывы к преследованию и уничтожению людей (каких бы то ни было), не могут быть покрываемы "свободой печати". За такое злоупотребление свободой печати, Суд приговорил к смерти Штрайхера, несмотря на то, что он его оправдал по обвинениям в военных преступлениях. Конечно, в отличие от объективных этических критериев, существуют критерии более субъективные, когда, в конечном итоге, бремя решения ложится на Редакцию. Это довольно тяжелое бремя, что и является смягчающим обстоятельством в тех случаях, когда Редакция ошибается.

2. Если предположить, что Редакция — абсолютно повинная "свободе слова" — не будет ничего отвергать из присылаемого материала, то тогда возникает другое непреодолимое ограничение: недостаток физического места в газете. Если бы мы публиковали все то, что мы получаем, то не хватило бы и двойного размера газеты только на всевозможные реплики и контр-реплики. Так что, и с этой точки зрения, Редакция вынуждена производить отбор. В обоих случаях отбора (по этическо-политическим причинам и по материальным возможностям), мы хотя и вынуждены как-то урезать (вот где высшая проверка редакторских "ножниц"!)" "свободу слова", все же мы всегда пытаемся сохранять ее принципиально. То есть, стараемся допускать и не заглушать основные представительные (репрезентативные) мнения, укладываемые в наши этические и материальные возможности.

3. Кроме всего вышеуказанного, наша Редакция несет еще и юридическую ответственность за все публикуемое в газете. В Аргентине в настоящее время не имеется специфических законов для печати, но существует богатая юриспруденция на эту тему, на основании конституционных и общих законных предписаний. Например, Редакция отвечает сравнительно мало за содержание подписанных писем и статей (за исключением, конечно, опубликования призывов к уголовным преступлениям и т. п.), при условии, что она не знает заранее, что содержащаяся в них информация, неверна.

Что касается "права на ответ", то как раз в этом году вся демократическая печать Аргентины (а также и значительная часть общественности) подняла резкую кампанию против проекта закона, устанавливающего обязательность публикации ответов в печатных органах. Юристы и журналисты доказывали, что принуждение печатных органов публиковать всегда все реплики, затронутых на страницах соответствующего органа печати лиц, будет грубым нарушением свободы печати. Печать должна обладать неограниченной свободой печатать или не печатать, что она сама хочет. Без этого условия — нет свободы печати. Лишь по суду, когда будет доказана судебным путем неверность информации, можно заставить, но только на основании утвержденного приговора, тот или иной орган печати опубликовать "реплику", то есть ответ..."

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ЗАЩИЩАТЬ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

В киоске при нашей церкви продавалась книга Ф. Ф. Юсупова "Конец Распутина". Последний экземпляр при мне купил человек, как и я ожидавший собрания ко "Дню Непримиримости". А я на опустевшее место положил экземпляры № 1884 "Нашей Страны" со статьей "За тенью Распутина" с тем, чтобы киоск продавал их по своему усмотрению, а все деньги брал себе.

На следующее воскресенье я спросила о распродаже экземпляров: они оказались немедленно изъятыми из продажи (из 50 экземпляров мне вернули 47) из-за протеста некоторых прихожан и приказа настоятеля убрать их, "чтобы не было раздора между буйными людьми".

Убийце Распутина и для оправдания "первой пули революции" место в киоске нашлось для беспрепятственной распродажи. Но защита Царской Семьи была изъята церковной властью под давлением "князей человеческих"... Вот какую свободу

информации готовят для России иные будущие ее "защитники"... Не потому ли исчезли все копии книги "Великая фальшивка Февраля"?

Лидия Соломахо (США)

ИВАН СУСАНИН

В "Н. С." № 1885 Л. Соломахо сообщает о советской переделке текста либретто оперы Глинки "Жизнь за Царя". Привожу точный текст переделки (стихи С. Городецкого):

Славься, славься ты, Русь моя!
Славься ты русская наша земля!
Да будет во веки веков сильна
Любимая наша родная страна!
Славься, славься из рода в род,
Славься великий наш русский народ;
Врагов, посягнувших на край родной,
Сражай беспощадно могучей рукой.
Слава! Слава! Слава всем бойцам!

Е. Кармазин (Франция)

Зарубежная Жизнь

ЮБИЛЕЙ "РУССКОЙ ЖИЗНИ" И ЕЕ РЕДАКТОРА

Издательство и редакция "Нашей Страны" сердечно поздравляют Аполлона Александровича Соллогуба с его 95-летием, а также газету "Русская Жизнь" с 65-летним юбилеем. Желаем А. А. Соллогубу здоровья, сил и бодрости в дальнейшем служении нашей родине на страницах редактируемой им "Русской Жизни".

ШКОЛЬНЫЙ АКТ В БУЭНОС АЙРЕСЕ

В Епархиальной Св. Сергиевской Субботней Школе в буэнос-айресском пригороде Вижа Бажестер, в воскресенье 7 декабря, состоялся акт по поводу окончания учебного года, который почтили своим присутствием Его Препосвященство Владыка Епископ Иннокентий и протоиерей о. Сергей Иванов.

После вступительного слова директора школы, о. Владимира Шленева, была всем залом пропета "вечная память" Елене Андреевне Хасановой, многолетней преподавательнице школы, скончавшейся в марте сего года.

Аттестаты об окончании школы и свидетельства о переходе в следующий класс вручал ученикам Владыка Иннокентий.

В зале царило радостное настроение. Пришли посмотреть на выступающих детей бабушки, дедушки, мамы, папы, крестные и родные, которые всячески стараются передать свой родной язык и свою культуру подрастающему поколению.

Очень хороши были постановки с учениками младших классов: "Тик и Так" режиссер Ольга Ковригина, "Лошадиная фамилия" А. П. Челова - режиссер Ирина Стоянова.

"Тряхнула стариной" Ирина Николаевна Ланская и великолепно поставила с учениками старших классов песенку "Дедушкина радость" и "Барышню-крестьянку" по А. С. Пушкину. Блеснули искрой театральных спосовностей А. Тарасова, М. Михалюк, И. Царевская, С. Ракитин и А. Дубко. Очень хорошо сыграл на пианино прелюдию № 1 И. Баха и сонаты № 12 и № 14 Л. Бетховена Александр Орлов.

От всего этого веяло торжественностью и теплотой. Каждое выступление детей восхищало зрителей и они выражали свой восторг дружными, громкими аплодисментами и криками "браво".

На протяжении всего акта чувствовалось как бы духовное присутствие многолетней сотрудницы и педагога школы покойной Елены Андреевны Хасановой, много сил и труда отдавшей школе с первых дней ее существования. В каждом выступлении детей ощущался еще ее "почерк".

По окончании акта И. Н. Ланская в заключительном слове подчеркнула неутомимую работу директора школы, о. Владимира Шленева, и в проникновенных, сердечных словах обрисовала неоценимую деятельность Елены Андреевны в деле воспитания и образования молодежи.

Михаил Климов

ХРОНИКА РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В БУЭНОС АЙРЕСЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1986 ГОДА

9 июля в Герiatricком центре Толстовского Фонда в Буэнос-Айресе была отмечена вторая годовщина существования этого учреждения. В часовне центра была отслужена литургия о. Владимира Скалоном. Пел хор ОРЮР.

20 июля состоялся русский эстрадный концерт в зале при храме Святой Троицы на улице Бразиль. Выступали: Наталия Калиняк, Виктор Трофимов и молодая певица Мария Милутинович. На пианино сыграла произведение Шопена Фанни Наракко. На балалайке исполнил несколько произведений 12-летний Андрей Трегуб, при аккомпанементе на гитаре его учителя, маститого мастера балалаечной игры Анатолия Ван-Фу. Аккомпанировала на пианино Эльза Трауб. Программу вел Николай Снежинский.

16 августа в зале Организации Российских Юных Разведчиков отмечен "День Русской Культуры".

22 и 24 августа состоялись духовные концерты хора ОРЮР, в католических храмах Сан-Николас де Бари и Саградо Корасон.

14 сентября Союз Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского торжественно отметил свой праздник. После молебна в храме Св. Владимира при Корпусном Доме состоялась встреча членов Союза, на которой приняли участие представители всей русской общины в Буэнос-Айресе. После обеда был показан западно-германский документальный фильм о вере в современной России.

20 сентября Организацией Российских Юных Разведчиков был отмечен "День памяти верных".

21 сентября Толстовский Фонд устроил благотворительный концерт в пользу больных стариков. В программе приняли участие оперные певцы Театра Колон, Левон Богосиан, Карлос Пашини, а также Елена Самсонова и трио хора ОРЮР под управлением профессора Елены Ларионовой.

26 октября состоялся спектакль Русского Театра Для Детей, в зале ОРЮР. Была поставлена пьеса "Мой баба". Играли молодые артисты: А. Попов, С. Вьюгова, А. Шмитов, Т. Исакова, Е. Ларионова, К. Баумгартен, А. Исаков, И. Казанцев, А. Казанцев, Н. Говорещкая. Режиссер - П. Г. Лукин.

8 ноября был отмечен "День непримиримости", в зале ОРЮР.

8 ноября состоялся традиционный годовой спектакль балетной студии Маши Павловой.

30 ноября состоялся годовой акт Школы и Гимназии ОРЮР.

7 декабря имел место годовой акт Епархиальной Школы при храме святого Сергия Радонежского.

21 декабря в храме святого Сергия Радонежского был отслужен молебен с поминовением по поводу праздника святого Николая Чудотворца, корпусного праздника Донского Императора Александра Третьего и Первого Русского кадетских корпусов. После молебна в зале епархиальной школы состоялась кадетская встреча. Ввиду отказа С. А. Якимовича от своей должности, по состоянию здоровья, был избран новым председателем Объединения Кадет в Аргентине В. Б. Томорский. С. А. Якимович избран пожизненным почетным председателем.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578 - 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,50. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" - "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces. No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces. No. 3980

ГАМИД САДЫКБАЕВ

КАЛЛЫ

Есть у Лермонтова страшное стихотворение под таким вот заглавием. Фанатичный мулла, во имя обычая кровомщения, подбил молодого горца на дикое злодеяние; тот залез ночью в саклю к родовому врагу и зарезал несчастного вместе с сыном и дочерью. Однако, душа юноши не вынесла совершенного им преступления; потеряв рассудок, он избегал с тех пор людей и бродил в пустынных местах. Все его осудили, и:

Каллы ужасное название
В горах присвоили ему.

(А слово сие означает "убийца"). Невольно вспоминаешь мрачную эту историю, читая в "Континенте" № 48 рассказ В. Матлина "Телеграмма для сеньора Штольца".

Юный израильтянин Зев одержим мыслью расплатиться за смерть деда, расстрелянного при немцах, во время войны. Он проследил человека, которого считает ответственным, русско-бразильского жеманщика, в Бразилии. Но... как ему объясняют, ни советские, ни израильские власти не берутся добиваться депортации: доказательств против подозреваемого слишком мало. Что же до похищения, сотрудница само назначившегося карателя в шпионских и мокрых делах, Лея, его предупреждает: "А вот это забудь! Сейчас другие времена и другая страна. И фигура не того масштаба, - это не Эйхман".

Зев решает действовать на свой риск и страх. Переодевшись почтальоном, он проникает внутрь квартиры преследуемого им Вуляка, носящего теперь фамилию Штольца. Накинувшись как зверь на старика, он его избивает и оглушает, а затем, вытащив пистолет, принимается за издевательский допрос, нужный лишь для того, чтобы продлить мучения жертвы.

Выясняется, что Вуляк в расстреле совсем не участвовал (он в это время учил новобранцев, из русских на германской службе, маршировать); что у него и у самого были друзья-евреи, которых ему удалось от гибели спасти; а что до причины, побудившей его сражаться против советской власти, то он отвечает, что

его существование стало адом с тех пор как раскулачили в 1927 году его отца, и что да, он большевизм ненавидел и ненавидит. Он и сейчас был уверен, что имеет дело с чекистским агентом, а про евреев ему и в голову не приходило.

- "Но только" - спрашивает он - "как это получается: ты ко мне с пистолетом приходишь, убивать меня хочешь, а они все, кто большевизм ненавидит, - они в стороне оказались... Меня ты по всему свету ищешь, а они у всех на виду... Пришли большевики, и все отняли. У всех, - у евреев тоже".

В самом деле: почему бы храброму террористу не поехать в Москву, вместо чем в Рио де Жанейро? Вышло, однако, что в данном случае убийца просчитался. Старый боец не так просто дается в руки! Отвлекая внимание своего истязателя пустым разговором, Вуляк сам вытаскивает револьвер и всаживает тому пулю в сердце. Признаться, - мы рады за него! Думается, - ему и власти ничего не скажут: акт законной самозащиты! Налицо труп бандита в форме почтальона и с пистолетом в руке... на теле самого пострадавшего нанесенные ему побои... дверная цепочка сорвана... Нет, сеньора Штольца не в чем упрекать! Да он же уже и известен как антикоммунист, имевший основания опасаться нападения со стороны красных.

Рассказ Матлина заканчивается сценой в раю, где новоприбывшего Зева встречает тепло его покойный дедушка. Вот уж такая картина, - она что-то неправдоподобна. Старик святой жизни вполне на месте в праведных селениях. Но пустили бы туда человека, алкавшего крови и не пролившего ее только потому, что ему помешали, умершего с чувством сатанинской злобы в душе?

А мораль сей басни, для здравомыслящего человека: мы тут деремся, сводим старые счёты, да часто еще и на основе обмана и ошибки, - общие же наши и всего человечества враги благоденствуют, - и руки себе потирают, глядя на нашу глупость!

ГАМИД САДЫКБАЕВ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная еженедельная газета, издаваемая в городе Сан-Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год - 60,- долларов, на полгода - 35,- долларов, на 3 месяца - 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115